

Андрей Шпирт
(Москва)

Могилевский погром 1654 г. и религиозная политика русских властей в период русско-польской войны 1654–1667 гг.*

Русско-польская война 1654–1667 гг. давно привлекает внимание историков. Весьма подробно исследованы военные кампании, отдельные битвы, история дипломатических отношений. Демографическим последствиям войны посвящены работы Ю. Можи и В.И. Мелешко [Morzu 1961; Мелешко 1975]. Наиболее острые споры вызывает этноконфессиональная политика русских властей на захваченных территориях и религиозное насилие в годы войны. По этому вопросу в историографии прочно укрепилось представление об исключительно репрессивном характере царской политики особенно по отношению к неправославным жителям польско-литовского государства. По мнению некоторых историков, особенно жестоким репрессиям подвергались униаты и иудеи; преследований смогли избежать лишь те, кто под принуждением принял православную веру [Дубнов 1906, 288; Łowmiańska 1929, 76; Horn 1978, 107; Alexandrowicz 1996, 159; Саганович 1995, 17–32, 28]. Для А. Сулимы-Каминьского и Б. Пенджих важно показать, как жители многонациональной и поликультурной Речи Посполитой поднялись против авторитарного агрессора и защитили свои гражданские и демократические ценности¹. При этом

* Благодарю А.О. Крылова (ПСТГУ) и П.И. Прудовского (РГАДА) за помощь в работе над статьей и за возможность ознакомиться с трудно доступными источниками и материалами.

¹ См.: «From the Muscovite perspective, the Polish-Lithuanian Commonwealth loomed as a new Babylon, a haven for the vagabond nations of the world. Though Muscovy was beginning to expand during the seventeenth century, bringing different ethnic groups under the tsar's protection, it never perceived itself as a pluralistic entity: the recognized language, religion, culture and even history were imposed by the center on the outposts. Deviations were not tolerated. Homogeneity versus plurality; autocracy versus republicanism:

описываются преследования евреев только со стороны русских войск, которые якобы стремились к искоренению всех «неправославных». В то же время игнорируется информация об участии местных жителей в антиеврейских преследованиях [Penzich 1996; Penzich 2009; Kamiński 1999, 39–40].

Одновременно считается, что наиболее нетерпимую позицию по отношению к неправославным выражали украинские казаки. Как писал В. Васильевский, «война вообще велась со всеми ужасами войн столетия, со всеми кровавыми признаками национальной мести и религиозного ожесточения. Паны, поляки и евреи осуждены были заранее на беспощадную гибель там, где являлся Золотаренко со своими удалцами». Хотя суровые русские воеводы тоже не отличались человеколюбием, но Алексей Михайлович грозил смертной казнью тем, кто жег деревни и проявлял грубое насилие [Васильевский 1874, 51]. Во время погрома в Люблине в 1656 г. казаки искали даже тех евреев, которые скрывались от них в христианской части города. В это же время московское войско во главе с П.И. Потемкиным потребовало контрибуции, после чего пресекло погром². Сопоставляя отношение московской и украинской сторон к неправославным, следует отметить, что религиозная политика Б. Хмельницкого на втором этапе русско-польской войны во многом следовала за позицией московской власти, которая была готова признать права католической церкви, но не униатов. Так, в грамоте украинского гетмана от 8 июня 1657 г., которую он предоставил жителям Пинского повета, гарантировалось сохранение прав и имущества католиков, содержа-

these were the values at stake during the war of 1654 and these were the two systems that clashed throughout the ensuing thirteen years. In one form or another, this juxtaposition has lasted until the twentieth century» [Penzich 2009, 120].

² О люблинском погроме упоминают как христианские, так и еврейские источники. Один из них – «Хесед Шмуэль» Самуэля бен Давида Ауэрбаха. См.: Schall 1934, 93–94; Nadav 2003, 53–54; Weinryb 1973, 195. О еврейском погроме в Люблине вспоминает также немецкий современник. Он пишет о том, что еврейский квартал города подвергся грабежам, а затем в качестве контрибуции «было вывезено несколько возов драгоценных еврейских товаров». Выдачу евреев, «чтобы их убить», требовал П.И. Потемкин. По словам автора реляции, «был великий шум, когда их, как овец, молодых и старых, гнали из домов (в которых они у нас спасались и прятались из еврейского города) [sic!] как на бойню, с ужасным воем, но им впоследствии была выпрошена жизнь». На следующий день казаки сожгли еврейский квартал и синагогу с находившимся там евреями [Реляция 1910, 19–21].

лось обещание не принуждать их к принятию православия. При этом Хмельницкий обещал бороться с унией и «чужими сектами»³.

В последнее время появился ряд работ, пересмотревших взгляд на политику московских властей как исключительно репрессивную [Frick 2013, 290–321; Meilus 2000; Meilus 2006; Zakrzewski 2003]. О насилиях против простого населения, а также о мерах, принимаемых царскими войсками против грабежей, писал А.Н. Лобин. Он также показывает, что инициатива по преследованию евреев и униатов часто исходила от местного православного населения [Лобин]. На примере Вильны 1655–1661 гг. И.В. Герасимова дала разносторонний анализ социальных отношений, системы управления, религиозной политики, экономической и социокультурной истории литовской столицы под властью русских воевод [Герасимова 2015]. По ее мнению, зыбкое религиозное равновесие Вильны, державшееся благодаря особому политическому климату Речи Посполитой, не выдержало испытания военным временем. Между тем отсутствуют какие-либо подробные (помимо М. Надава) исследования о судьбе евреев во время русско-польской войны 1654–1667 гг.

Вызванная различными причинами война с Речью Посполитой сопровождалась ярко выраженной религиозной риторикой. На Земском соборе 1653 г. российская сторона заявила о готовности защитить православных Речи Посполитой от религиозных притеснений:

Великий государь... подвигся сам со всем своим царского величества синклитом и с воинством на тех проклятых еретиков ляхов на поругание Божиих церквей и за православную христианскую веру месть воздати, а церкви Божии и их православных христиан от них поганных еретиков ляхов свободити и соединити воедино с восточною церковью и с православными христианы Великия Росии. И преблагий Бог, видя такую его государскую ревность по святой и непорочной вере, покорил ему великому государю тех поганных ляхов многие грады и места [АЮЗР 1889, 373].

Врагами объявлялись не только «ляхи», но «жиды» и другие иноверцы, «гонители православной веры» [АЮЗР 1889, 88]. Под влия-

³ Не совсем ясно, что имеется в виду под «чужими сектами» и не следует ли их отождествлять с «унией»: «Powiniśmy obce jednak sekty y Unią, iako wiele złęgo podnieły, wykorzeniać zobopolnie stanowimy nie zagradzając do łaski naszej przystempu, jesliby który z Duchownych ku uznaniu prawdy przyszedzy y przy oddaniu należnemi Mitropolicie Kiiowskiemu posłuszeństwa porządną uczyniwszy pokutą, miał za sobą gorać Duchownych naszych zalecenie» [Памятники 1852, 148].

нием иерусалимского патриарха Паисия, посетившего Москву в 1649 г., Алексей Михайлович выступал как поборник и защитник православия и, видимо, считал себя царем, призванным править всем православным миром⁴. Важнейшее значение в утверждении нового титула русского царя, как собирателя православных земель, имели присоединение украинских земель в 1654 г. и захват Вильно в 1655 г. [Герасимова 2015, 52–63].

Многочисленные источники подчеркивают непримиримое отношение москвитян к католикам. Так, в универсале от 23 февраля 1655 г. Яна Казимира сообщалось: духовенство, шляхту и подданных – «одних выслали в Москву в неволю, других подвергли жесткой смерти, третьих заставили присягнуть царю и, что никогда не слыхано было в странах христианских, принудили вторично креститься, оскверняя при этом места посвящения Богу и искореняя святую католическую веру, на что не решился бы ни один язычник и тиран»[АВАК 1909, XXXV, 33–35]⁵.

Австрийский посол А. Мейерберг, посетивший Вильно в 1661 г., отмечал, что храмы «либо разорены, либо сожжены, либо же умышленно пробиты и проломаны насквозь молотами и топорами, и свидетельствуют, с какой дикой ненавистью исповедающие московскую веру преследуют христиан римско-католического исповедания», при этом лютеранской кирхе и кальвинистской молельне москвитяне якобы не сделали ничего плохого [Путешествие 1874, 209].

Какую религиозную политику проводили российские власти на завоеванных территориях, как они относились к неправославным и какие отношения складывались между православными, католиками, униатами, иудеями и московской властью в 1654–1660 гг.? В данной статье мы обратимся к могилевскому погрому 1654 г. и на основе различных источников покажем, как складывалась судьба евреев

⁴ Идея об особой миссии русского царя в православном мире исходила из греческого мира и нашла свое предметное выражение в виде привоза в Москву святынь с христианского Востока. О новом понимании царской власти в это время см.: Ченцова 2004; Ченцова 2011; Щедрина 2014; Успенский 1994, 123–124.

⁵ Ср. с записками А. Вимино о судьбе католиков в Смоленске в 1654 г.: «Доминиканцы и другие духовные лица, отказавшиеся принять второе святотатственное крещение, были уведены в Москву, а оттуда, говорят, в Сибирь. То же самое произошло со многими другими, не согласившимися коштунственно повторить крещение, и только 33 из 420 семей Смоленска согласились креститься второй раз» [Vimino 2004, 133] (перевод С. Полехова). Благодарю А. Крылова за указанную информацию.

в других частях Великого княжества Литовского, которые в годы русско-польской войны 1654–1667 гг. были захвачены московскими войсками.

В ходе первой и второй военных компаний 1654–1655 гг. русские и соединенные с ними казачьи войска захватили большую часть белорусских городов и даже столицу Великого княжества Литовского – Вильну (1655 г.). Мы располагаем лишь отрывочной информацией, которая могла бы пролить свет на отношении к евреям оккупационных властей. Как можно предполагать, некоторым евреям удавалось преждевременно покинуть опасные места, которым угрожали наступающие русские и казачьи войска. Об этом свидетельствуют источники, относящиеся к Полоцку [Гардзееў 1999, 204]⁶, Пинску [Nadav 2003, 52]⁷, Слуцку⁸, Гродно⁹ и Вильно¹⁰. Вместе с тем участь оставшихся евреев была различной.

Вокруг могилевского погрома 1654 г.

Более или менее подробно мы знаем о судьбе евреев Могилева.

Самый крупный город в Восточной Белоруссии капитулировал без боя 24 августа 1654 г. Бескровному переходу Могилева и окрестных местечек под царскую власть способствовал православный шляхтич и один из предводителей могилевского православного братства Константин Поклонский¹¹.

Летом 1654 г. он прибыл в ставку царя под осажденным Смоленском и предложил организовать сдачу Могилева. Царь согласился,

⁶ М. Гардзеев указывает, что большая часть жителей Полоцка покинула город перед его захватом.

⁷ Первоначально издано в: Nadav 1966.

⁸ О бегстве евреев в столицу Литовского княжества из Слуцка упоминается в анонимном письме из Вильно от 8 августа 1654 г.: «Шлцку такіе трвога wielka od Kozaków: żydzi do Wilna uciekają ztamtąd» [Ojczyście spominki 1845, 112].

⁹ В 1655 г. из города бежал почти весь патрициат и богатые евреи. В апреле 1656 г. во время разбойного нападения на Кременец были убиты гродненский раввин Лейб Гершович и судья Элия Моисеевич [Borowik 2008, 33–34].

¹⁰ Донесение Якушки Калчинского, слуги виленского епископа Е. Тышкевича, от 26 июля 1655 г.: «А жиды и мешанские жены из Вилни многие выбежали в Полшу в разные городаы» [Заборовский 1994, 8]. О бегстве жителей Великого княжества Литовского в Пруссию см.: Sahanowicz 2003. По воспоминаниям виленского раввина Моше Ривкеса, из города бежала вся еврейская община, см.: Герасимова 2011, 146.

¹¹ О его довоенной биографии (там же историография) см.: Кочегаров 2016.

пожаловал Поклонскому титул белорусского полковника, выделил 40 соболей, 50 рублей и разрешил набирать казачий полк из добровольцев. В августе к Могилеву подошел русский отряд М. Воейкова и после переговоров с участием К. Поклонского и настоятеля Кутеинского монастыря Иоиля город открыл ворота.

О ходе переговоров перед сдачей города Алексею Михайловичу сообщал М. Воейков из обоза в Печерске:

А ляхи, государь, и жида били челом, чтоб их выпустить совсем из Могилева в Польшу, а черныя, государь, люди единогласно били челом и присылали ктеиновского монастыря Иоиля и иных многих старцов, что они ради и хотят быть под твоей высокою рукою» [АЮЗР 1889, 227–228].

Однако после сдачи города присягу на верность царю изъявили желание принести не только православные люди, но и ляхи. Это вызвало затруднение у Воейкова, который не знал, как относиться к присягам неправославных:

А которые, государь, римские веры шляхта хотят быть под твоею рукою и я холоп твой по той евангельской заповеди приводить их к вере не смею, что они не христиане (sic!) [АЮЗР 1889, 235–236].

В ответном послании 28 августа Алексей Михайлович писал: «А иноверцов бы еси, которые не нашей христианской веры, приводить к присяге велел перед собою, по их законом, их духовного чина людем, чтоб нам, великому государю, в службе были верны». Таким образом, русская сторона не настаивала и не принуждала католическую шляхту к православию. Царь также приказал Воейкову выслать поляков в лагерь русских войск под Смоленском. 31 августа бить челобитные перед царем поехали смоленский городничий Троян Суловский и королевский дворянин Бернат Белк Резицкий [АЮЗР 1889, 301]. Ничего не говорится об иудеях, которых, видимо, к моменту принятия присяги в городе уже не было. Одновременно с этим к царю начинают поступать многочисленные челобитные о передаче имущества, ранее принадлежавшего евреям и шляхте.

В начале сентября под Смоленск для подтверждения сословных привилегий и выработки текста жалованной грамоты городу прибыли делегации могилевской шляхты и горожан.

В царской ставке горожан спросили о судьбе евреев: «О жидях, что ныне побиты, сказали, что побии жидов Поклонского казаки,

а не мещане» [АЮЗР 1889, 259]. Иными словами, московская сторона не знала обстоятельств погрома, который, видимо, произошел недалеко от русского лагеря (Печерска). При этом в Могилеве произошел не только еврейский погром, но и истребление дворян, которых убивали целыми семьями. Могилевская шляхта добивалась смертного приговора для погромщиков: «Мучителей, которые нестерпимое мучительство, топление шляхты и шляхтянок учинили, чтоб казнены были» [АЮЗР 1889, 252]. По всей видимости, в беспорядках, охвативших Могилев после его сдачи, участвовали также и горожане; их обвинили в присвоении чужих лошадей. Дворяне (?) потребовали вернуть похищенное имущество: «Лошади, насилеи побранные, которые у мещан суть, чтобы его царское величество отдати тем, чьи суть, повелели, унижено челом бьем» [АЮЗР 1889, 252]. Шляхта также просила сохранить религиозную свободу для католиков: «Римляне чтоб при вере своей пребываючи, костел и службу свою имети могли, особного презрения и щедрого разсудного жалования вашего царского величества унижено с плачем челом бьют» [АЮЗР 1889, 252]. Каждая сторона добивались передачи им еврейских дворов¹².

Горожане попросили запретить евреям, «ляхам» и казакам проживать в городе; последним воспрещалось также вредить горожанам и заниматься винокурением. «Ляхам» не только воспрещалось жить в Могилеве, но также иметь в городе «старшинство». Алексей Михайлович согласился с просьбой горожан и ограничил их общественное и правовое положение: «Ляхом в начальных людех в городе не быть, искать и отвечать самим, а прокураторов не наймовать» [АЮЗР 1889, 265].

В жалованной грамоте от 15 сентября 1654 г. Алексей Михайлович принял сторону могилевских горожан. Он отменил гродский суд, подтвердил прерогативы магдебургского и войтовского судов. По желанию могилевских горожан царь запретил евреям жить в городе, их дворы распределялись между ратушей и русскими «ратными людьми», а также «приезжими», которые «будут посланы для наших дел и для наши службы» (так, видимо, решался вопрос об

¹² Шляхта: «О дворах жидовских, чтоб есмь по счастливому государствованью вашего царского величества отстояния больши как прежде по ефимку не платили, чтоб нам розданы шляхте были». Горожане: «о еврейских домах и землях жида и шляхта отбегли, до места приворочены были, или також тем мещаном, которым жида должны были, проч отъехали, в тех же долгах отданы и присуждены были» [АЮЗР 1889, 262–263].

обременительной постоянной повинности) [АИ 1842, 227]¹³. В августе 1655 г. после снятия осады города могилевский магистрат раздал ряд шляхетских и мещанских и один еврейский дом уже в вечное пользование их новым собственникам [АЮЗР 1889, 805; АВАК 1909, 40]¹⁴.

О том, что происходило в Могилеве во время сдачи города, мы узнаем из статейного списка ближнего стольника И. Шеина и дьяка Томила Перфирьева, составленного 16–24 сентября 1654 г. Уже в августе царю от П.В. Шереметьева поступила жалоба на М. Воейкова, которого могилевские горожане якобы обвинили в том, что он за взятки выпускал из города поляков и евреев и теперь те угрожали могилевским жителям расправой. В ходе расследования горожане отвергли, что жаловались Шереметьеву на Воейкова, но сообщили, что К. Поклонский перед сдачей Могилева выпустил из города эконома Киндила Петровского с челядью из 15 человек. За это могилевский эконома передал Поклонскому «серебряное суденко», которое тот вручил Воейкову. После сдачи Могилева шляхта принесла присягу, а «евреи все на имя великого государя остаться не хотели и не присягали, и они де их в Могилеве задержали» [АЮЗР 1889, 378–379].

Интересно отметить, что казаки не предоставили могилевским евреям, как и большинству поляков, право свободного выхода из Могилева. Это право, как правило, даровалось в случае добровольной сдачи города, например Смоленска или Велижа¹⁵. Поклонский так-

¹³ «Дворы жидовские половину отдать в ратушу, а другая половина держати для наших всяких приезжих людей, которые присланы будут для наших дел и для наши службы, а три двора лутших оставиить для наших воевод и приказных людей» [АИ 1842, 227].

¹⁴ В этом отношении ситуация в Могилеве весьма заметно отличалась от положения в Полоцке или в Вильне. В октябре 1655 г. Алексей Михайлович запретил конфискацию собственности бежавших из города мещан: «Из Полоцка сбежали в Литву, а после их остались в городе Полоцку дворы, и лавки, и огороды копать им, покаместа сродичи их в Полоцкой будут, а им тех дворов не продавать. и обжигать и лавком и огородом никакой порухи не делать» [АЮЗР 1889, 296]. Как отмечает Д. Фрик, за годы оккупации Вильны русскими властями по праву *jus caduco* было конфисковано только три дома [Frick 2013, 305–309].

¹⁵ В послании мозырскому ловчему боярин Артемон Матвеев сообщал, что те, кто захочет в Смоленске «великому государю служить и быти под его царского величества высокою рукою, и тем на свое царского величества имя останися позволил; а которые похотят ехать в Польшу и в Литву, и тех пожаловал, выпустить и проводить до рубежа вцеле» [АЮЗР 1889, 66]. Царская грамота Велижу: «И мы, Великий Государь, наше Царское Величество нашу Государскую милость над ними показали: которые похотели нам Великому Государю служить, а тем на наше Царского Величества имя останися

же, видимо, не заключал какого-либо договора с могилевскими горожанами и шляхтой наподобие того, какой был заключен между казаками и жителями Кричева. Переговоры о сдаче Кричева начались в конце сентября 1654 г. Город представляли делегации от шляхты, горожан и даже еврейской общины. Вскоре к царю были посланы две челобитные от шляхты и горожан. Кричевская шляхта просила отпустить униатов, но сохранить права католического населения («чтоб костелы все цело пребывали, дети католицкие чтоб в костелах крещены были, а потом их не принуждали до греческие веры») и евреев («за жидов, чтоб при вере и волностях своих пребывали»). Горожане проявили к евреям равнодушие; в отличие от могилевских жителей они не были против их присутствия в местечке: «о подстаросте кричевском, чтоб здоров и с маетностью своею и с жидами, которые в месте Кричева суть, выпровожены были до Литвы или по милости вашего царского величества в Кричеве жити поволено было» [АЮЗР 1889, 409–416]. В государевых грамотах религиозные требования были проигнорированы: католики упоминались только в следующем контексте: «которые римские веры, и тех к присяге по их вере» [АЮЗР 1889, 419–420]. Кроме царских грамот казаки и горожане заключили договор о гарантиях безопасности, о котором упоминал десять лет спустя кричевский бургомистр. Эти договоренности были впоследствии нарушены¹⁶.

поволили и в службу их принять велели, а которые похотели ехать в Польшу и в Литву и тех велели выпустить» (4 октября 1654) [АИ 1842, 233]. Право свободного выхода в Литву также неоднократно предлагалось «сидельцам» Старого Быхова [АЮЗР 1889, 243, 693, 742], хотя во время посольства к Б. Хмельницкому Д. Тургенев заявлял, что не выпустит из города «гонителей православной веры» [АЮЗР 1889, 88].

¹⁶ «Рады не рады мусели не поддаючысе московитину, але поддалисе в моц козаком, розумеючи и сподеваюче, што они на нам милосерде и литост и бачене мет будут... не дбаючи на боязнь Божую и писмо светлое и на сумнене и шлюбоване свое, шлюбуючи нам ни в чом не зрадит, выпровадивши нас всех мешан Кричевских за замку Кричевского на посад на помешкане и дома наше, а сами в замку zostали... жадного з нас не zostавили, толко душами выпровадили и до маетностей худобы наше, в заховано в замку будучое, не допустили, а потом взявши умысл свой злый небогобаязненный, мешкаючи колко недел в том замку, маетност нашу, што им уподобало, то собе брали, а подобравши и замок спалили» [АВАК 1909, 329]. О том, что договоренности нещадно нарушались, писал австрийский посол Мейерберг: «Москвитяне только что войдут в раскрытые ворота какого ни будь города или городка после сдачи его доверчивыми гражданами, тотчас же истребляется всякое подобие католической веры в пренебрежение всяких договорных условий, скрепленных како бы то ни было клятвой» [Путешествие 1874, 199].

Некоторую информацию о судьбе могилевских евреев также предоставляет письмо командующего литовскими войсками Януша Радзивилла от 21 февраля 1655 г. Яну Казимиру. Литовский гетман пишет об утоплении обвиненных Поклонским в измене евреев в Днепре, несмотря на то что прежде они приняли православие [Vobiatyński 1993, 190]. Это сообщение перекликается с жалобой могилевской шляхты о том, что многие дворяне и дворянки были утоплены казаками после сдачи города.

О судьбе могилевских евреев можно также узнать из более поздних нарративных источников. Так, например, согласно хронике Сурты и Трубницкого, перед сдачей Могилева русским войскам К. Поклонский предложил тем могилевским евреям, которые не желали оставаться в городе, «уйти в Литву» под конвоем казаков. Предложение оказалось ловушкой: неподалеку от Печерска они были ограблены и убиты. Те же, кто остался в Могилеве, из-за страха приняли христианство. Авторы «Могилевской хроники» также доносят до нас городскую легенду о богатстве могилевских евреев, которые «где могли червонное золото прятали, в хлебы запекали, невесты и девки в косы заплетали»¹⁷. Могилевские хронисты также упоминают еврейскую традицию отмечать годовищину резни у могильных курганов за Печерском. В свою очередь Орест, могилевский игумен и компилятор XIX в., отмечает, что убийство евреев произошло в поле у Печерска, «близ того места, где ныне дом и роща мещанина Чешка, живущего за городом при Польшковицкой дороге, каковое место и до нынешнего времени от могилевских жителей называется Поклонскую стеною» [АСЗД 1867, XIII]¹⁸.

¹⁷ Начальная часть «Могилевской хроники» датируется концом XVII в. «Nim przyszedł Radziwiłł do Mohylewa, Pokłoński, zebrawszy hultajstwo zkaąd mógł, uprzątnowszy sobie fantazją, zęby się zbogacić z łupow, umysłił żydow jakoby do Litwy wyprowadzić, kazał wszystkim żydom w drogę gotować się, którzy z skarbami swemi wybierając się, gdzie mogli czerwone złote chowali, w chleby zapiekali, niewiasty i dziewczki w kosy zaplatali. I tak wyprowadziwszy za Pieczersk wszystkich żydow poscinać kazał i w mogiły (których i teraz kopcy są) pozasypali, i wiele u nich bogactw w różnych splendorach poznachodzili. Siła też na ten czas zydowstwa pozostałego, którzy z Pokłońskim nie szli do Litwy, pookszczyło się, z których i dziesiątey części nie umarło w chrześciaństwie, znowu potym żydami pozostawali» [ПСРЛ 1980, 242].

¹⁸ По словам Ореста, Поклонский разделил евреев на три группы: первая остановилась у деревни Тарасовичи, вторая – в поле у Печерска, третья осталась в Могилеве и после резни их единоплеменников приняла православие. Орест также дает дру-

Ряд историков также пишут об убийстве по приказу царя евреев в Смоленске в 1655 г. [Pendzich 1996, 160–161; Schall 1934, 92]. Об этом сообщает Павел Алеппский, в 1656 г. посетивший Москву. По его сведениям, евреи, передевшиеся в христиан, были вычислены по неумению креститься и были сожжены в деревянном доме [Павел Алеппский 1898, 176]. Источники, которыми руководствовался арабский путешественник, нам неизвестны. Вместе с тем, как показывает исследование В. Думина, в самом Смоленске в XVII в. не было евреев, а в Смоленском воеводстве их число было весьма незначительным [Думин 1980, 97]¹⁹. Возможно, события в Могилеве по неизвестной причине были перенесены арабским путешественником в Смоленск. Любопытно также отметить, что собеседники Алеппского объясняли антиеврейское насилие религиозными причинами и царским разрешением.

Таким образом, казаки К. Поклонского устроили в Могилеве погром после того, как город был сдан без боя. Во время погрома была истреблена часть шляхты и большинство еврейского населения города. Его причины, обстоятельства и участие в нем горожан остаются неясными. Возможно, агрессия была вызвана тем, что евреи и некоторые католические шляхтичи отказались приносить присягу и ждали свободного выхода в Литву. Также непонятно, сопровождались ли акты религиозного насилия крещением евреев или перекрещиванием католиков и униатов. В последующей исторической традиции убийство евреев объяснялось желанием казаков и гультяйства обогатиться, при этом в памяти не сохранилось уничтожение шляхты. Антиеврейские настроения православных жителей Могилева,

гую причину антиеврейского насилия. Если, согласно «Могилевской хронике», Поклонским двигало желание наживы, то по Оресту могилевский полковник стремился избавиться от лишнего населения в условиях осады – события лета-осени 1654 г. автор перенес на время начала 1655 г., когда город был осажден литовскими войсками Радзивилла. Поклонский также заподозрил евреев в сношении с врагом [АСЗД 1867, XIII–XIV]. Обращение евреев в христианство и замечание, что только десятая их часть умерла в православии, видимо, имеет своим источником «Летопись Самовидца». Ср.: «И многие на тот час з жидов, боячися смерти, християнскую виру приняли, але зась знову, час углядивши, до Полци поутикавши, жидами позоставали, аж ридко которий додержал виры християнской» [Літопис 1971, 52].

¹⁹ В 1650 г. Красном было всего 7 еврейских домов, в Зверовичах – 17, в Жарновках – 4, в Катъни и в Цехановичах по 5 домов. См. список осажденных русским царем Алексеем Михайловичем, составленный 9 июня 1654 г. [АСЗД 1904, 18–37]. В нем нет еврейских имен.

видимо, не стоит преувеличивать, хотя в 1645 г. в городе произошли антиеврейские беспорядки, инициатором которых назывался бургомистр Богдан Ребрович [ИЮМ 1877, 295–509]²⁰. Горожане просили царя запретить евреям проживать в Могилеве, желая привести в действие привилегию *de non tolerandis Judaeis*, которую предоставил городу Стефан Баторий еще в 1585 г. [АЗР 1846, 296].

Вильно и города «за Березой»

Религиозная политика России на захваченных землях Великого княжества Литовского не была однородной. Начиная с переговоров с А.М. Саковичем и П.Я. Ролей (лето 1655 г.) царские власти были готовы удовлетворить некоторые религиозные требования католической шляхты «по Березу», т.е. для земель княжества, находящихся к западу от реки Березины²¹. В то же время к востоку от Березины восстановление католических и униатских церквей строго запрещалось: «по сю сторону Березы их набоженству не быть». При этом в начале переговоров русская сторона выступала за запрещение католического «набоженства» в Вильно, Троках и Гродно. Однако затем московские представители пошли на уступки, и в окончательной версии царской грамоты упоминается только Вильно, в котором все униатские церкви и половина католических костелов должны были быть переданы православным, в том числе и костел в виленском замке [Заборовский 1998, 236]²².

²⁰ Во время праздника Суккот Ребрович вместе с челядью и «служными» людьми напал на еврейскую процессию. Христиане ограбили, избили и не пускали евреев перебраться на другой берег Днепра. Ночью Ребрович вместе со своими людьми напал также на синагогу, ожидая, что евреи будут отмечать праздник, но, никого не застав, выбил в синагоге окна и разогнал стражу, охранявшую здание. О пожертвованиях Ребровича львовскому православному братству см.: Архив ЮЗР 1887, 182. См. также судебное определение по жалобе Лазаря Ескевича и его жены Марианны на членов магистрата, которых они обвинили в нападении на их дом и краже имущества [ИЮМ 1877, 318–328], а также статьи могилевского цеха солодовников, ограничивавшие контакты с евреями (1647 г.) [ИЮМ 1877, 528].

²¹ По Березине проходила символическая граница между «Литвой» и «Русью», представление о которой сложилось еще в XV в. При каких обстоятельствах эта граница была вновь актуализирована и каким именно образом она понималась русской стороной в середине XVII в., нам не известно.

²² «По Березу, кроме Вилни, Трок и Гродни духовенству быть по их прошенью»; «а унейским церквам нигде не быть и их снести» [Заборовский 1998, 233, 235]; «уни-

Во время переговоров 1655–1656 гг. польско-литовская сторона достаточно редко обращалась к теме евреев и защите их религиозных прав. Одним из исключений может стать заметка о евреях в соглашении, заключенном между командующим посполитым рушением лидского, гродненского и волковыского поветов Я. Кунцевичем и воеводой С.А. Урусовым 6 ноября 1655 г. В статьях этого договора шляхта предусматривала сохранение своих сословных и имущественных прав, а также прав католиков и «всяких какова ни есть набожества и веры людей христианские». Нехристианские группы населения Великого княжества Литовского были защищены последним, 17-м параграфом: «Также татаровя и жида, чтоб против прав старожитных давних были по прежнему» [Заборовский 1994, 106; Заборовский 1998, 247]²³. Появление параграфа, в котором гарантировались права нехристианских групп населения (в то время как права мещан никак не определялись), возможно, было обусловлено тем фактом, что евреи находили убежище от неприятеля, прежде всего, в частных владениях шляхты [Nadav 2003, 52–55]²⁴.

Боярская дума, рассматривавшая в Москве условия литовской шляхты, оставила помету:

А о сём у них царского величества милость объявляем, чтоб вер их и прав и волностей ни в чем нарушить не велит. А мещанам и приезжим людям к домовствам своим и татаром, и жидом царскому величеству да-

акие костелы обратити в греческие церкви, в королевском замку костелу не быть, а быть церкви соборной, и костелов и кляштуров половина в греческие церкви» [Заборовский 1998, 235]. Перед захватом Вильно царская ставка не ответила на просьбу жителей города сохранить за ними магдебургское право и не разорять город [Герасимова 2011, 140]. Во время переговоров о сдаче Витебска в 1654 г. царская ставка под просьбой шляхты сохранить права католической церкви оставила помету: «костелу не быть, а петь у себя в домех» [АЮЗР 1889, 289]. В середине XVII в. царские власти запрещали в Москве публичное исповедание католической веры, а протестанты могли иметь свои храмы только за городской чертой. Похожие запреты по отношению к протестантам действовали в Западной Европе и в Речи Посполитой (например, в Вильне после 1639 г.). В этом контексте любопытно отметить практику конфискации колоколов из костелов, которую применяли русские власти, например в Ошмянском повете, т.е. на территории, где католическая церковь была формально разрешена [АЗР 1853, 104–105; Maskvos okupacijos 2011b, 703–704].

²³ Ср. также с челобитной кричевской шляхты [АЮЗР 1889, 413].

²⁴ Как указывают исследователи, шляхетские владения наименее пострадали в результате войн середины XVII в. [Morzy 1961, 208; Topolski 1960, 467]. Горожане также искали убежища в частных шляхетских владениях [Borowik 2008, 33].

ни, и оброки, и всякие подати платить так давать, как они плотили полскому королю [АМГ 1894, 483]²⁵.

Реакцию московского правительства на предложение польско-литовской стороны о сохранении прав нехристианского населения можно также узнать из ряда сохранившихся документов, относящихся к Вильне²⁶. Столица Великого княжества Литовского значительно пострадала от захвата города в 1655 г. Захват города имел весьма важное политическое значение, а чинимые насилия были вызваны не только сопротивлением на рынке или жаждой наживы, но и имели под собой ярко выраженные религиозные мотивы. Русские солдаты и казаки разоряли храмы, гробницы знати, совершали насилия над католическим и униатским духовенством²⁷.

Русское правительство было заинтересовано в привлечении населения в опустошенную столицу (как и в другие города княжества). Уже в октябре 1655 г. в царской грамоте содержится призыв к «шляхте, мещанам и пашечным крестьянам» возвращаться в их прежние жилища и требование присягать царю. В грамоте ни слова не говорится о евреях. О них не упоминается и в аналогичном указе, отправлен-

²⁵ О принесении присяги шляхтой и горожанами в октябре 1655 г. см.: АМГ 1894, 444–445, 454, 456; Maskvos okupacijos 2011b, 111–112, 151–153, 162.

²⁶ За последнее время Э. Мейлус издал три тома источников по периоду оккупации Вильно в 1655–1661 гг. [Maskvos okupacijos 2011a; Maskvos okupacijos 2011b; Maskvos okupacijos 2015]; 4-й том посвящен судьбам виленских беженцев в Пруссии [Maskvos okupacijos 2016].

²⁷ Более подробно о захвате Вильны и о погроме см.: Герасимова, 2011. Литовский гетман Януш Радзивилл на переговорах ставил в укор русским посланникам чрезмерные жестокости, которые учинили московские войска во время взятия литовской столицы: «Наши дома, и белогловы бабы, и робяты малыя за што сечь и дома палить: нигде такого разорения нет». Царский посланник В. Лихарев дипломатично отвечал: «А тово посеченье не ведаю, авось будет и то есть: война без тово не живет» [Герасимова, 2011, 150]. При этом не все католические и даже униатские церкви были разрушены [Васильевский 1874, 52–54]. В 1656 г. на верность царю присягнуло несколько униатских священников. Неясно, сопровождалась ли присяга обращением в православие или перекрещиванием, поскольку все виленские униатские церкви и монастыри стали православными [Герасимова 2015, 83–84]. В списке принявших православие униатов в 1658 г. оказались православный (лавик Павел Синчило), католик (бурмистр Стефан Жепницкий) и священник Николай Рыбинский. Последний фигурировал в списке виленских жителей, принесших присягу царю в 1656 г. Видимо, в этот промежуток времени он отправлял униатское богослужение [Герасимова 2015, 135]. О масштабах разрушения костелов и репрессиях против униатского духовенства в Гродно см.: Worowik 2008, 37–39.

ном в Минск. В декабрьской отписке виленского воеводы М. Шаховского царю, в которой он пишет о возвращении жителей города, также нет упоминаний о евреях. Однако тогда же в городе появляются первые евреи. В отписке от 13 февраля 1656 г. виленский воевода сообщал царю, что 28 декабря к нему пришли два еврея и «били челом, чтоб им жить в старых своих домех». Они также сообщили, что «будет их много». М. Шаховской разрешил им поселиться «в посаде» [АМГ 1894, 483]. Как отмечал В.Н. Сторожев, а затем Э. Мейлус, несмотря на ярко выраженное желание московского правительства вернуть жителей и заселить разоренные города, виленский воевода не решился без указа царя поселить евреев на прежнем месте: «И впредь, которые жиды учнут приходить к твоей государевой милости в Вильну и мне их принимать или нет, и в прежних их домех жить велеть ли?» [АМГ 1894, 483; Сторожев 1894, 134; Meilus 2009, 62]. Такое положение дел, видимо, не стало правилом для других городов Литвы. Так, летом 1656 г. в одной из ковенских камениц жил еврей Егупка Симанов, и только ссора с ковенским старостой Яном Гейштором, который хотел его из той каменицы «выбить», вынудила еврея обратиться с жалобой к ковенскому воеводе и написать челобитную на имя русского царя [Maskvos okupacijos 2011b, 165–167]²⁸.

12 февраля 1656 г. в Вильно вернулся Самолко Исаков. Под наблюдением пушкαρα и караульчиков из судной избы он откопал во дворе своего дома спрятанное перед бегством имущество, в том числе три «паникадила» (!?) [Maskvos okupacijos 2011b, 241]²⁹.

Из сохранившихся документов Виленской съезжей избы видно, что местные и приезжие евреи не раз обращались в суд и получали в нем справедливое решение дела или примирались с предполагаемыми обидчиками. В феврале 1657 г. суд под предводительством

²⁸ При этом Егупка не ссылается на какое-либо разрешение проживать в каменном доме, которое бы он получил от ковенского воеводы.

²⁹ Практика закапывания имущества перед занятием города неприятелем была повсеместной. Иногда имущество перепоручалось соседям, которые, впрочем, могли его потерять во время разорения города. После окончания военных действий горожане возвращались в город и возвращали свое имущество чаще всего без каких-либо конфликтов. Ср.: Rosman 2003. Еврейские общины даже включали в договора с магистратами условие, по которому городские власти во время беспорядков брали на себя обязательство следить за оставленным еврейским имуществом. См.: Naverkamp 2014, 55–69.

русского воеводы рассматривал дело об убийстве двух слонимских евреев, в котором был обвинен лидский мещанин Миколай Тибурский. Обвиняемый отрицал свою вину, и две стороны пошли на примирение [Maskvos okupacijos 2011b, 239–240]. В том же месяце два рожанских еврея заявили, что из двора Израила на Жидовской улице у них украли двух коней, и привели вора из окрестного села. В апреле 1657 г. виленская еврейка Шейна, жена Моисея, привела в суд солдата Мишку Исакова, который ее избил. Тот оправдывался, что избил потому, что она его выругала. Суд наказал солдата битьем батогами, «за то (что) не управился собою». В апреле 1658 г. записана памятка, что проданная виленскому мещанину Григорию Грыжевскому «витина» (судно для перевозки хлеба) прежде принадлежала еврею Абраму [Meilus 2009, 66; Maskvos okupacijos 2011b, 206, 235, 248–251, 266, 339–340]. О евреях также изредка упоминают магистратские книги города [Maskvos okupacijos 2011, 346; Maskvos okupacijos 2015, 115–116]³⁰.

Присутствие евреев в Вильне вызывало неприятие со стороны христиан. Просьба выселить их из города за реку, там, где их кладбище, т.е. в Шнипишки, содержится в петиции, поданной виленскими мещанами Алексею Михайловичу 24 мая 1658 г.³¹ Показательно,

³⁰ В 1658 г. (?) один из виленских винокуров, Захарий Канецкий, держатель аренды, нанял еврея смотреть за протекающим котлом, что вызвало протест со стороны его конкурента Стецевича. В апреле 1657 г. виленский воит отказал еврейке Гадаске в рассмотрении дела о краже ее сундучка, серебряного стакана и золота на том основании, что он «прихожих людей и приезжих судить не повинен». Дело было направлено в судную избу, где его разбирал М. Шаховской [Герасимова 2015, 185; Maskvos okupacijos 2011b, 274]. В соответствии с правом судебные разбирательства между евреями и христианами должны были проходить в градском или замковом суде, где их дела разбирал представитель местной администрации – воевода или староста.

³¹ «Ponieważ Żydzi Wilenscy Mieszczanom, Kupcom y Rzemieslnikom w handlach, kupiectwach, szynkach, rzemiosłach, przeszkodę czynili i teraz czyniąc Chrzescianom pozwywienie odeymują do tego w miescie mieszkając roznemi infectiami y chorobami nic Magistratowi y kozdemu Urzędowi nie oznaymując, ludzie zarazali, a o co większa ludzi loznych y rzeczy kradzionych Koscielnych, Cerkiewnych y Swieckich receptaorami bywali, przez co do niemałej szkody miasto przychodzilo. Zaczym barzo upraszac mają PP Poslowie Naiasnieyszego Cara JE Mci Pana nam młciwego, aby tak oni sami iako y zaraza z chorob y gnoiow ich pochodząca, za miasto, za Wilią, do ogrodu, gdzie grobowiska swe mają, przeniesieni byli» [Maskvos okupacijos, 2011b, 461]. Любопытно отметить, что петиция виленских горожан не содержит каких-либо религиозных требований в защиту католической веры и ограничивается просьбами подтвердить или расширить экономические привилегии города.

что просьбу изгнать евреев горожане объяснили тем, что евреи создают конкуренцию в торговле и ремесле, а также являются источником заразных болезней (в эти годы Вильно серьезно страдал от морового поветрия)³² и скупают краденое церковное имущество. Царской грамотой от 30 июня 1658 г. московское правительство удовлетворило просьбу виленских жителей [Maskvos okupacijas 2011b, 567]³³. Требование жить в пригородах являлось частью традиционных ограничений, которые налагали на евреев городские магистраты и некоторые королевские указы³⁴. Кроме того, следует учитывать весьма прочную конфликтную традицию между виленским магист-

³² Евреев не обвиняют в отравлении колодцев, следуя распространенному средневековому антиеврейскому стереотипу, но тем не менее они главная причина распространения болезней. По всей видимости, здесь можно говорить о попытке химерической рационализации. Так, например, магистрат мог быть против скупки евреями зараженного скота из соседних сел, поскольку эта торговля проходила без контроля со стороны христианских цехов и корпораций. Обвинение в скупке церковной утвари возникло, видимо, не без влияния католической церкви, которая неоднократно инициировала процессы против святотрацев и обвиняла в этой деятельности в том числе и евреев. См.: [Teter 2011].

³³ Еще раньше, летом 1657 г., покинуть город было предписано виленским униатам. Однако после окончания морового поветрия они снова поселились в Вильне, и Шаховской спрашивал у царя, что с ними делать [АИ 1842, 261; Maskvos okupacijas 2011b, 347]. О вынужденном крещении униатов и членов магистрата в православие в это время и о реакции униатской церкви, Гавриила Коленды и Якова Суши, см.: Васильевский 1874, 59–60.

³⁴ Любопытно отметить, что магистрат также просил царя выслать из Вильны англичан и шотландцев, которые так же, как евреи, создавали виленским купцам конкуренцию в розничной торговле и в том, что не принадлежали к купеческим гильдиям и не несли городских повинностей: «...z krobeczka u drobnemi towarami przyszedzsy, niemafe summy pod roznemi Jurisdictioniami mieszkaiac y kramy trzymaiac zbierali, potom roznemi towarami handlowali, Magistratowi y miastu posluzentwa nie oddawali, ciezarow pospolu z mieszczanami nie ponosili, a o co wieksza dobra y summy w Miescie nabrane z Wilna wywozili» [Maskvos okupacijas, 2011b, 463]. Однако в отличие от евреев они подлежали изгнанию, но не переселению. В царской грамоте вместо англичан и шотландцев фигурируют «немцы»: «Которые немцы приезжают в Вильну из иных окрестных государств и тех до мещанского права припускать и в Вильне торговать им ни в чем не велеть» (видимо, московские власти не вполне точно понимали, о чем идет речь в петиции). В царской грамоте также упоминаются приезжие купцы из других городов: «приезжих бы мещан из Вильны выслать в те города, где кто жывал» [Maskvos okupacijas 2011b, 569]. Кроме того, любопытно заметить, что если прежде московские власти были заинтересованы в привлечении жителей в Вильно, то теперь были согласны на высылку людей, которые жили в городе, но не являлись членами городских корпораций. Тем более что моровое поветрие 1657–1658 гг. унесло значительное число жизней.

ратом и еврейской общиной, нередко перераставшую в форму погромов (1633, 1634 г.).

Как указывает Э. Мейлус, несмотря на запретительные предписания русского царя, евреи продолжали жить в городе. В сохранившихся доходных и расходных книгах города упоминается, что с 1658 по 1661 г. за городской водопровод платили «жидовка вдова Маркова и жидовка Израелова» [Meilus 2009, 64]. Осенью 1658 г. с еврейского квартала («на Жидовской»?) планировалось собрать «двести (?) по сороку коп в год», а с «интересу жидовского»(?) – «по девяносто, по 6 коп в год» [Maskvos okupacijos 2011b, 617]³⁵.

Как отмечает Э. Мейлус, а затем И. Герасимова, в отличие от местных жителей московские власти лояльно смотрели на присутствие еврейской общины в Вильне, считаясь с ней как со значительной финансовой силой. Так, в 1658 г. дьяки посоветовали виленскому воеводе М. Шаховскому обратиться за займом к богатым виленским семьям, в том числе и евреям, для того чтобы выплатить жалование солдатам [Герасимова 2015, 197].

Еврейское население Вильны, видимо, продолжало увеличиваться. В послужном списке, составленном после возвращения Шаховского в Москву, указывалось, что с 20 февраля по 10 июня 1660 г. помимо «литовской шляхты, и благочестивых веры чернецов и литовских ксенж и мещан и поветных людей» «учинились под государевою высокую рукою» и несколько евреев. Общее количество людей, принявших присягу, оценивается в 1968 человек [АМГ 1901, 40]³⁶.

³⁵ Сложно судить, платили ли евреи по сравнению с христианами повышенные налоги. Ср., например: «с двух волок за каменным мостом – по 4 копы». Доход, получаемый с евреев, совпадал с суммой, которую русские власти планировали собрать с «каменицы Лянгурковской». Неясно, что обозначает первое число – количество налогоплательщиков? Также не вполне понятно, что имелось в виду под «интересом жидовским» и почему эта сумма выделялась в отдельную строку дохода. В росписи присягнувших царю евреев в 1656 г. фигурируют 46 фамилий (43 из них были жителями Вильны, 3 – из окрестных поветов). Как считает И. Герасимова, речь идет о домохозяевах, следовательно, численность еврейского населения города могла достигать 215 человек [Герасимова 2015, 81, 84–85]. В первые годы после освобождения города в 1662 г. в Вильне жило более 400 евреев [Meilus 2009, 58]. В 1676 г. в городе насчитывалось чуть больше 1000 евреев, что составляло только половину от их довоенной численности [Cieśla 2015, 265].

³⁶ Весьма интересным может показаться письмо находившегося в это время в эмиграции виленского раввина Моисея Ривкеса амстердамскому раввину Аврааму Пинто, написанное в 1658 г. В нем Ривкес призывает евреев вернуться в Вильно. Вместе с тем остается неясным, знал ли польский раввин, что город еще находился под властью московских войск [Rosman 1986, 442].

Согласие на проживание евреев было также получено гродненским воеводой Б. Апрелевым. В царской грамоте от 27 июля 1657 г. указывалось, что «которые жиды придут в Гродно и учнут нам, великому государю, бить челом, чтоб им быть под нашу царскую высокую рукою, ты б тех жидов принимал и к вере по их закону приводил, и велел им жить в Гродне по-прежнему, да и о том к нам писал» [АМГ 1894, 520].

Весьма сложно представить, что имело в виду московское правительство, предоставляя свое согласие на право жить евреям «по-прежнему». Подразумевало ли это, кроме того, что им разрешалось исповедовать свою веру, возрождение автономных институтов самоуправления и право аренды земельной собственности?

Уже после освобождения польскими войсками местечка Долгинова в Оршанском повете его жители 10 июня 1660 г. подали жалобу на евреев Абрама Якубовича и его сына Моисея. По их свидетельству, Абрам Якубович получил от виленского воеводы Д. Мышецкого право арендовать их местечко. Вместе со своим сыном он начал «тиранским способом разрушать и опустошать» их городок [АВАК 1909, 146–147, 151]. Если верить поданной информации (которую можно расценить как нежелание принять прежнего арендатора путем обвинения его в сношении с врагом), то можно считать, что московские власти разрешали евреям заниматься прежними профессиями и иметь высокий социальный и правовой статус.

Присутствие евреев в Новогрудке во время оккупации города московскими войсками подтверждает Б. Маскевич. В 1660 г., находясь в городе, вместе с другими шляхтичами повета он приносил дары русскому воеводе Хованскому. При этом Маскевич отметил, что евреи и мещане города «отдельно подносили свои дары» [Pamiętniki 1961, 284]³⁷.

Следует отметить, что евреи проживали не только на западных территориях Великого княжества Литовского. После взятия Старого Быхова в 1659 г. почти все жители этого города, в том числе и евреи, были убиты русскими войсками [Kossarzecki 2005, 386]³⁸. Тем не

³⁷ Богуслав Маскевич также вспоминает, как присланный Хованским в Новогрудок Голенищев требовал от «нас, шляхты и мещан и евреев» толстых канатов, но, не добившись результата, уехал [Pamiętniki 1961, 298].

³⁸ О разгроме Быхова пишет также Иегуда Проховицер [Коган 1911, 114–116]. Пинский раввин, оказавшийся вместе со своей семьей в Быхове, вспоминает о своем чудесном спасении. Он пишет об убийстве жителей без различия их религии, а также о сожжении города. Число евреев, погибших в Быхове, оценено Проховицером в 300 человек.

менее жалоба царю старобыховской мещанки Богданы Мордухаевой (май 1663 г.) на русских солдат, ограбивших ее, когда она направлялась на базар купить привозного из Смоленска хлеба, указывает, что евреи вскоре вернулись в прежде разрушенный город. Богдана определяет себя как «сирота, старобыховская мещанка еврейской породы», а русские источники, отписки о проведении расследования, пишут о ней как о «жидовке еврейской породы» [АМГ 1901, 523, 524]. Это определение может указывать, что Богдана не была крещеной еврейкой. Еврейка также пишет, что после ограбления она осталась без средств, «помирала с голоду» и «скиталась» «промеж своей братьи». Это замечание доносит нам информацию о том, что в Старом Быхове проживало еще некоторое количество некрещеных евреев³⁹. О готовности бороться против грабежей, направленных против еврейских купцов, сообщает думный дьяк А.Л. Ордин-Нащокин в своем письме Богуславу Радзивиллу от 6 января 1661 г. В письме Радзивилла Нащокину сообщалось об ограблении купца из Вижун [АСЗД 1870, 117]. Таким образом, евреи, независимо от своей конфессиональной принадлежности и места проживания, становятся объектом защиты со стороны московских властей.

³⁹ Ср. с сообщениями письма Яну Казимиру польского офицера Войши из Могилева от 25 августа 1662 г. В нем он упоминает быховских насильно крещеных евреев, которые находятся в Смоленской тюрьме. Бывший комендант Могилева Гроховский, попавший в плен и также находящийся в Смоленске, передает через них (?) Войше различного рода сообщения. Так, московский инженер майор Яков Штерг вместе с заранее подговоренными евреями (?) стремится отправиться на службу к польскому королю. Из текста письма видно, что быховские евреи, хотя, возможно, и были насильно крещены, тем не менее обладали большей свободой, чем можно было бы ожидать от заключенных в тюрьме людей [Памятники 1859, 194–195, 197]. В 1655–1656 гг. на царское имя были поданы две челобитные крещеной еврейки Настасьи Моисеевой. Потеряв в 1654 г. мужа (при взятии Витебска он был взят в плен и сослан в Россию), она перешла в православие и теперь хлопотала о выдаче ей денежного вознаграждения за крещение в размере 10 рублей. Эти деньги были выплачены лишь в 1656 г. [Крылов 2009, 148] (благодарю А. Крылова за предоставленный текст его дипломной работы). То, что Настасье Моисеевой пришлось в течение двух лет добиваться денежной выплаты, по мнению А. Крылова, говорит об отсутствии целенаправленной политики денежного поощрения перехода евреев в православие. Впрочем, проблемы с финансовым обеспечением крещеных евреев были характерны и для католической церкви, проводившей активную миссионерскую политику. О положении евреев в Москве и случаях крещения см.: Фельдман 2005а; Фельдман 2005б; Фельдман 2009; Фельдман 2017.

Источники, в которых рассказывается о бунте жителей Могилева против московского гарнизона в 1661 г., показывают, что евреи в это время также проживали в городе (возможно, в тюрьме?) [Mieses 1939, 155–156; Horn 1978, 114–115]. Некоторые из них, видимо, приняли участие в восстании, за что были упомянуты в жалованной грамоте могилевской общине в 1678 г.⁴⁰

Религиозная политика русских властей на захваченных территориях Великого княжества Литовского не была ни статичной, ни исключительно репрессивной. На восточных землях княжества Москва проводила репрессивную политику по отношению ко всем неправославным, к западу от Березины была готова сохранить и подтвердить права католической церкви и даже еврейских общин. Наиболее жесткую позицию русские власти выражали по отношению к униатам, при этом декларации следует отличать от практики, и отношение к униатам русских воевод, например М. Шаховского, полностью зависело от позиции центральных властей [АИ 1842, 261].

Евреи, как и остальное население Великого княжества Литовского, серьезно пострадали от действий московских войск, в том числе были подвергнуты насильственному крещению. Вместе с тем их судьба часто не отличалась от доли других жителей Великого княжества Литовского. Военные действия разоряли города и деревни и сопровождалось многочисленными проявлениями насилия к простому населению, часто без различия пола, возраста и религии. Московское правительство проводило политику выселения жителей городов Белоруссии в глубь России. Такая участь постигла и некоторых евреев. Как защитники городов, они оказывались в плену и вместе с другими пленными, поляками и литовцами, вывозились в Россию⁴¹.

⁴⁰ В привилегии могилевской общине, предоставленной на Гродненском сейме 1678 г., говорится: «Znaczną przysługę, którą Żydzi mohilowscy do rekuperacji tej fortece pod ten czas tam zostający są kooperati...» [Sejmy i sejmiki 2006, 112].

⁴¹ Отписка нижегородского воеводы И. Бутурлина царю от 11 июля 1655 г. об отправке евреев и литовцев в Казань: «...велено литовских людей и жидов, которые взяты в языцах и которые в городех в осадах сидели и с твоими государевыми ратными людьми бились и с челядью, и тюремных людей из Калуги сослать в Казань» [АМГ 1894, 428–429]. Об участии евреев в защите городов от русских войск (Витебска и Старого Быхова) см.: Mieses 1939, 147–151; Horn 1978, 107. О высылке евреев Кричева, Шклова и Витебска в Московское государство см.: АВАК 1909, 346–347; АВАК 1871, 173–176. Ицка Нахимов из отписки нижегородского воеводы И. Бутурлина (11 июля 1655 г.) рассказал, что «его жена была в Шклове и как де Шклов сдался и жена его послана с шкловскими жидами вместе» [АМГ 1894, 428].

Вместе с тем характеризовать отношение русских властей к евреям как исключительно враждебное было бы преувеличением. Евреи проживали не только на захваченных западных землях Великого княжества Литовского, но и к востоку от Березины, т.е. на тех территориях, на которых московские власти официально разрешали жить только православным жителям Речи Посполитой. Положение неправославных зависело от позиции центральной власти и русских воевод, вершивших власть на захваченных территориях; говоря о судьбе евреев следует учитывать отношение к ним местного населения, которое в сложных для себя условиях пыталось воплотить в жизнь строгое антиеврейское законодательство.

Литература и источники

- АВАК 1871 – Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1871. Т. 5.
- АВАК 1909 – Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1909. Т. 34.
- АЗР 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1876. Т. 3.
- АЗР 1853 – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5.
- АИ 1842 – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4.
- АМГ 1894 – Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. СПб., 1894. Т. 2.
- АМГ 1901 – Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. СПб., 1901. Т. 3.
- Архив ЮЗР 1887 – Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Т. 7. Ч. 1.
- АСЗД 1867 – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильно, 1867. Т. 2.
- АСЗД 1870 – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильно, 1870. Т. 7.
- АСЗД 1904 – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильно, 1904. Т. 14.
- АЮЗР 1889 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1889. Т. 14.
- Васильевский 1874 – *Васильевский В.Г.* Вильно под Русской властью (1655–1661) // Памятники русской старины в Западных губерниях империи. СПб., 1874. Вып. 6. С. 48–77.

- Гардзееў 1999 – *Гардзееў М.* «Под час небеспеченства од Москвы» (актовая книга полацкага магистрату за 1656–1657, як крыніца на вывучэнні вайны 1654–1667 // Беларускі Гістарычны Агляд. 1999. № 6. С. 202–221.
- Герасимова 2011 – *Герасимова И.В.* Занятие Вильны русскими войсками 8 августа 1655 г.: сопоставление нарративных и документальных источников // *Senoji lietuivos literatura*. 2011. Кн. 32. S. 135–154.
- Герасимова 2015 – *Герасимова И.В.* Под властью русского царя. Социокультурная среда Вильны в середине 17 века. СПб., 2015.
- Дубнов 1906 – *Дубнов С.* Всеобщая история евреев (на основании новейших исследований). СПб., 1906. Кн. 3.
- Думин 1980 – *Думин С.В.* Социально-политическое развитие городов Смоленского воеводства в составе Речи Посполитой (1618–1654) // Проблемы истории античности и Средних веков / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1980. С. 95–111.
- Заборовский 1994 – *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. Документы. Исследования. М., 1994.
- Заборовский 1998 – *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты: проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Часть 1: Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М., 1998.
- ИЮМ 1877 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске / Под ред. А.М. Созонова. Витебск, 1877. Вып. 8.
- Коган 1911 – *Коган Д.* Московский разгром Быхова в 1659 // Еврейская старина. 1911. № 2. С. 114–116.
- Кочегаров 2016 – *Кочегаров К.А.* Константин Поклонский и события в Могилеве накануне русско-польской войны 1654–1667 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (61). 2016. С. 56–63.
- Крылов 2009 – *Крылов А.О.* Религиозная политика русских властей в Великом княжестве Литовском и в Прибалтике в 1654–1660 гг. М., 2009 (дипломная работа).
- Літопіс 1971 – Літопіс Самовидця / Вид. Я.І. Дзира. Київ, 1971.
- Лобин – *Лобин А.Н.* Неизвестная война 1654–1667 г. (рецензия на книгу Г. Сагановича) (http://scepis.net/library/id_1104.html).
- Мелешко 1975 – *Мелешко В.И.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск, 1975.
- Павел Алеппский 1898 – *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном Павлом Алеппским / Пер. Г.А. Муркос. СПб., 1898. Вып. 3.
- Памятники 1852 – Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1852. Т. 3.
- Памятники 1859 – Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1859. Т. 4.

- ПСРЛ 1980 – Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35.
- Путешествие 1874 – Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи. М., 1874.
- Реляция 1910 – Реляция или обстоятельное описание ужасного и печального разрушения и сожжения варварски произведенного москвитами и казаками при взятии прекрасного города Люблина 1656 года // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1910. № 2. С. 4–26.
- Саганович 1995 – *Сагановіч Г.* Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995.
- Сторожев 1894 – *Сторожев В.Н.* Московское управление в Вильне XVII в. М., 1894.
- Успенский 1994 – *Успенский Б.А.* Царь и Бог // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 123–124.
- Фельдман 2005а – *Фельдман Д.З.* «Бьют челом сироты старозаконные»: Дело по челобитным бреславльских евреев об их крещении в православие в 1659 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 198–202.
- Фельдман 2005б – *Фельдман Д.З.* К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 21–27.
- Фельдман 2009 – *Фельдман Д.З.* Редкий документ о службе выкреста-еврея в русской армии во второй половине 17 в. // Единорог. М., 2009. С. 148–152.
- Фельдман 2017 – *Фельдман Д.З.* Евреи – жители московских слобод XVII века (Мещанская и Бронная слободы) // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2017. С. 87–103.
- Ченцова 2004 – *Ченцова В.Г.* Митра Паисия Иерусалимского – не присланный русскому государю венец “царя Константина” // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов (=Труды ГИМ. Вып. 139) М., 2004. С. 11–39.
- Ченцова 2011 – *Ченцова В.Г.* Писец Николай Армириот и Крест царя Константина: К истории связей Ватопедского монастыря с Россией в XVII в. // *Palaeoslavica*. 2011. Vol. XIX/2. P. 60–109.
- Щедрина 2014 – *Щедрина К.А.* Регалии царя Алексея Михайловича и облачения патриарха Никона. Репрезентация власти в искусстве середины XVII в. // Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. Вып. 1 (13). С. 47–55.
- Alexandrowicz 1996 – *Alexandrowicz S.* Rola miasteczek w gospodarczych uwarunkowaniach rozwoju ludności żydowskiej Wielkiego księstwa Litewskiego w XVI–XVIII w. // Regiony pograniczne Europy Środkowo-Wschodniej w XVI–XX w. Społeczeństwo-gospodarka-polityka. Zbiór studiów / Pod red. M. Wojciechowskiego i R. Schattkowsky’ego. Toruń, 1996. S. 153–161.
- Bobiatyński 1993 – *Bobiatyński K.* Kampania zimowa-wiosenna wojsk J. Radziwiłła 1654–1655 // Staropolska sztuka wojenna XVI–XVII w. Prace ofiarowane Prof. J. Maciszewskiemu / Pod red. M. Nagielskiego. Warszawa, 1993. S. 173–198.

- Borowik 2008 – *Borowik P.* Funkcjonowanie samorządu miejskiego w Grodnie podczas «potopu moskiewskiego» (1655–1661) oraz kilka uwag o zniszczeniu miasta przez Moskali // Гарадзенскі палімпсест. XII–XX стст. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Горадня, 7 лістапада 2008 г. Горадня; Беласток, 2008. С. 29–39.
- Cieśla 2015 – *Cieśla M.* Liczebność Żydów w Wielkim Księstwie Litewskim w XVII w. // *Kwartalnik historyczny.* 2015. T. 72. № 2. S. 245–268.
- Frick 2013 – *Frick D.* Kith, Kin, and Neighbors. Communities and Confessions in Seventeenth-Century Wilno. Cornell University, 2013.
- Haverkamp 2014 – *Haverkamp A.* Jews and Urban Life: Bonds and Relationships // *The Jews of Europe in the Middle Ages (Tenth to Fifteenth Centuries). Proceedings of the International Symposium held at Speyer, 20–25 October 2002 / Ed. by Christoph Cluse.* Turnhout: Brepols, 2014. P. 55–69.
- Horn 1978 – *Horn M.* Powinności wojenne Żydów w Rzeczypospolitej w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1978.
- Kamiński 1999 – *Kamiński A.S.* Imponderabilia społeczeństwa obywatelskiego Rzeczypospolitej Wielu Narodów // *Rzeczpospolita Wielu Narodów i jej tradycje. Materiały z konferencji «300 lat od początku unii polsko-saskiej. Rzeczpospolita Wielu Narodów i jej tradycje. Kraków, 15–17. IX. 1997» / Pod red. A.K. Link-Lenczowskiego i M. Markiewicza.* Kraków, 1999. S. 3–58.
- Kossarzecki 2005 – *Kossarzecki K.* Działalność wojskowa pułkownika Iwana Nieczaja na Białorusi w latach 1657–1659 // *Україна в Центрально-Східній Європі. Студії з історії XI–XVIII ст.* Київ, 2005. Вип. 5. S. 359–391.
- Łowmiańska 1929 – *Łowmiańska M.* Wilno przed najazdem moskiewskim. Wilno, 1929.
- Maskvos okupacijos 2011a – XVII a. vidurio Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai / Sud. E. Meilus. Vilnius, 2011. T. 1: 1657–1662 m. Vilniaus miesto tarybos knyga.
- Maskvos okupacijos 2011b – XVII a. vidurio Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai / Sud. E. Meilus. Vilnius, 2011. T. 2: 1655–1661 m. Rusų okupacinės valdžios Lietuvoje dokumentai.
- Maskvos okupacijos 2015 – XVII a. vidurio Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai / Sud. E. Meilus. Vilnius, 2015. T.3: 1657–1662 m. Vilniaus miesto tarybos aktu knyga.
- Maskvos okupacijos 2016 – XVII a. vidurio Maskvos okupacijos Lietuvoje šaltiniai / Sud. E. Meilus. Vilnius, 2016. T. 4: Pabėgėlių iš Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Prūsijoje 1656 m. sąrašai.
- Meilus 2000 – *Meilus E.* Przynależność etniczna wilnian i ich lojalność względem władzy w czasie wojny z Moskwą w połowie XVII w. Rozważania nad tematem // *Kultura Litwy i Polski w dziejach. Tożsamość i współlistnienie / Pod. red. J. Wyrozumskiego.* Kraków, 2000. S. 91–103.
- Meilus 2006 – *Meilus E.* Życie codzienne w Wilnie w czasie okupacji moskiewskiej 1655–1661 // *Litwa w epoce Wazów. Prace ofiarowane Henrykowi Wisnerowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Pod red. W. Kriegseisena i A. Rachuby.* Warszawa, 2006. S. 129–143.

- Meilus 2009 – *Meilus E.* The Jews of Lithuania During the Muscovite Occupation (1655–1660) // *Lithuanian Historical Studies*. 2009. Vol. 14. P. 53–70.
- Mieses 1939 – *Mieses M.* Udział Żydów w wojnach Polski przedrozbiorowej. Warszawa, 1939.
- Morzy 1961 – *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII w. Poznań, 1961.
- Nadav 1966 – *Nadav M.* Kehillat Pinsk be-*tkufa she-mi-gzeirot Ta''kH-Ta''T* ad shlom Andrushov // *Zion*. 1966. Vol. 31. P. 153–196.
- Nadav 2003 – *Nadav M.* Kehillat Pinsk be-*tkufa she-mi-gzeirot Ta''kH-Ta''T* ad shlom Andrushov (Еврейская община Пинска от погромов Б. Хмельницкого до Андрусовского перемирия) // *Nadav M. Pinkas Patuach. Mehkarim be-toldot yehudi Polin ve'Lita*. Tel-Aviv, 2003. P. 29–72.
- Ojczyste spominki 1845 – *Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Dyaryusze, relacje, pamiętniki i t.p., służyć mogące do objaśnienia dziejów krajowych: tudzież listy historyczne do panowania królów Jana Kazimierza i Michała Korybuta, oraz listy Jana Sobieskiego marszałka i hetmana wielkiego koronnego* / Wyd. A. Grabowski. Kraków, 1845.
- Pamiętniki 1961 – *Pamiętniki Samuela i Bogusława Maskiewiczów. Wiek XVII* / Wyd. A. Sajkowski. Wrocław, 1961.
- Pendzich 1996 – *Pendzich B.* Los Żydów na Białej i Czarnej Rusi w czasie «Nieznanej wojny» 1654–1667 // *Żydzi i Judaizm we współczesnych badaniach polskich. Materiały z konferencji*. Kraków. 21–23 XI. 1995. Warszawa, 1996. S. 155–161.
- Pendzich 2009 – *Pendzich B.* Civic Resilience and Cohesion in the Face of Muscovite Occupation. From the Muscovite perspective, the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth. Poland-Lithuania in Context, 1550–1772* / Ed. by K. Friedrich, B. Pendzich. Leiden, 2009. P. 103–128.
- Rosman 1986 – *Rosman M.* Dimuyo shel Beit-Israel be-Polin ke-Mirkaz Torah acha-*rei gezeirot Ta''kH-Ta''T* (Образ польского еврейства как центра изучения Торы после погромов 1648 г.) // *Zion*. 1986. Vol. LI. P. 435–448.
- Rosman 2003 – *Rosman M.* Dubno in the Wake of Khmel'nyts'kyi // *Jewish History*. 2003. Vol. 17. № 2. P. 239–255.
- Sahanowicz 2003 – *Sahanowicz H.* Wychodźcy z Wielkiego Księstwa litewskiego w Prusach 1656 roku // *Lituanio Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. Vol. IX (2003). S. 48–77.
- Sejmy i sejmiki 2006 – *Sejmy i sejmiki koronne wobec Żydów. Wybór tekstów źródłowych* / Wyb. i oprac. A. Michałowska-Mycielska. Warszawa, 2006.
- Schall 1934 – *Schall J.* Historia Żydów w Polsce, na Litwie i Rusi. Lwów, 1934.
- Teter 2011 – *Teter M.* Sinners on Trial. Jews and Sacrilege after Reformation. Cambridge, 2011.
- Topolski 1960 – *Topolski J.* Uwagi o badaniach nad wpływem zniszczeń wojennych połowy XVII w. na sytuację ekonomiczną kraju // *Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza*. Poznań, 1960. T. 6. Z. 1. S. 463–478.

- Vimino 2004 – *Vimino A. (Bianchi M.)* Trumpas pasakojimas apie Lietuvos ir Lenkijos karą su Maskva XVII a. viduryje / Breve racconto della guerra di Lituania e Polonia contro Mosca alla metta de XVII secolo / Sud. V. Dolinskas; Kom. parašė A. Tyla. Vilnius, 2004.
- Weinryb 1973 – *Weinryb B.D.* The Jews of Poland. A Social and Economic History of the Jews Community in Poland from 1100 to 1800. Philadelphia, 1973.
- Zakrzewski 2003 – *Zakrzewski A.* Sądownictwo w Wielkim Księstwie Litewskim «pod wysoką carską ręką» // Świat pogranicza / Pod. red. M. Nagielskiego, A. Rachuby, S. Gorzyńskiego. Warszawa, 2003. S. 282–295.

Andrey Shpirt
(Moscow)

**Mogilev pogrom of 1654
and religious politics during Polish-Muscovite war,
1654–1667**

The article deals with the problem of conflicts and contacts between Muscovites, Ruthenians, Poles and Jews during Polish-Muscovite war of 1654–1667. The Russian authorities began war against Polish-Lithuanian Commonwealth under strongly marked religious rethorics with evident anti-Catholic and anti-Uniate connotations. The war has been accompanied by several acts of religious violence. There are two general plots in the paper: the first one is the history of Mogilev pogrom of 1654 and the second one is a difficult religious coexistence in Wilno of 1655–1660. Situation of Non-Orthodox depended on the position of central and local Russian military authorities; attitudes of local Christian population must be kept in mind especially when Jews are in question.